

И.О. Родин, Т.М. Пименова

Белая гвардия

Краткое изложение

«Велик был год и страшен год по Рождестве Христовом 1918, от начала же революции второй». В мае 1918 года в семье Турбиных горе — умирает мать. Она завещает троим детям — Алексею, Елене и Николке — «дружно жить» и оставляет «семь пыльных и полных комнат... изразцовую печку в столовой... мебель старого красного бархата, ковры турецкие с чудными завитушками на восточном поле, бронзовую лампу под абажуром, лучшие на свете шкапы с книгами, пахнущими таинственным старинным шоколадом... золоченые чашки, серебро, портреты, портьеры...» Двадцативосьмилетний Алексей Турбин, «постаревший и мрачный с 25 октября 1917 года», — врач, специалист по венерическим болезням. Семнадцатилетний Николка — унтер-офицер. Его пехотная дружина только формируется «ввиду начинающихся событий». Елене двадцать четыре года. Год назад она вышла замуж за капитана генерального штаба Сергея Ивановича Тальберга. Турбины занимают квартиру на втором этаже в доме № 13 на Алексеевском спуске. Нижний этаж занимает домовладелец, «инженер и трус, буржуй и несимпатичный, Василий Иванович Лисович».

Наступает декабрь. К Городу подходят части Петлюры. Население в панике. «Ну, думается, вот перестанет, начнется та жизнь, о которой пишется в шоколадных книгах, но она не только не начинается, а кругом становится все страшнее и страшнее».

Самое яркое пятно в небе вечернего Города — освещенный электричеством крест в руке памятника князю Владимиру на Владимирской горке. «Как многоярусные соты, дымился, и шумел, и жил Город. Прекрасный в морозе и тумане на горах, над Днепром... Сады стояли безмолвные и спокойные, отягченные белым, нетронутым снегом... Город жил странно, неестественной жизнью... Свои давнишние исконные жители жались и продолжали сжиматься дальше, волею-неволею впуская новых пришельцев... Гнали письма в единственную отдушину, через смутную Польшу (ни один черт не знал, кстати говоря, что в ней творится и что это за такая новая страна — Польша), в Германию, великую страну честных тевтонов, запрашивая визы, переводя деньги, чуя, что, может быть, придется ехать и дальше, туда, куда ни в коем случае не достигнет страшный бой и грохот большевистских боевых полков. Мечтали о Франции, о Париже... Большевиков ненавидели... ненавистью трусливой, шипящей из-за угла, из темноты... Офицерам... большею частью безденежным и носившим на себе неизгладимую печать своей профессии, было труднее всего получить фальшивые документы и пробраться через границу... Армейские офицеры... ненавидели большевиков ненавистью горячей и прямой, той, которая может двинуть в драку... Четыре юнкерских училища развалились в грохоте солдатской стрельбы и выбросили на улицы искалеченных, только что кончивших гимназистов, только что начавших студентов, не детей и не взрослых, не военных и не штатских, а таких, как семнадцатилетний Николка Турбин».

Обыватели гадают, кто такой Симон Петлюра, откуда он появился, кем был в прошлом. Приходит весть о свержении императора, и немцы начинают поспешно оставлять Город. Самые «умные гады» понимают, что они побеждены. «Значит, одним — бежать, а другим встречать новых, удивительных, незваных гостей в Городе. И, стало быть, кому-то придется умирать. Те, кто бегут, те умирать не будут, кто же будет умирать?»

Однажды вечером все Турбины сидят дома в столовой у жарко натопленной изразцовой печи (которую в семье называют Саардамский Плотник по названию книги, которую часто читали здесь вслух в детстве). На столе стоят цветы от верного поклонника Елены, «гвардии поручика Леонида Юрьевича Шервинского, друга продавщицы в кон-

фетной... друга продавщицы в цветочном магазине». Елена встревожена долгим отсутствием Тальберга, застрявшего где-то с гетманским поездом. В этот момент к Турбиным приходит поручик Виктор Мышлаевский. Он прямо из окопов, смертельно усталый, грязный, обмороженный, на нем вши. Турбины дружно принимают «устраивать» гостя: греют воду, наливают ванну, осматривают обмороженные пальцы на ногах, утешают, успокаивают. Мышлаевский рассказывает о том, как гетман и командование бросают солдат и офицеров на верную смерть, не обеспечивая самым необходимым, как произносят фальшивые речи о родине и народе, сами при этом отсиживаясь во дворце.

Возвращается Тальберг. «Скверно действовали на братьев клиновидные, гетманского военного министерства погоны на плечах Тальберга. Впрочем, и до погон еще, чуть ли не с самого дня свадьбы Елены, образовалась какая-то трещина в вазе турбинской жизни, и добрая вода уходила через нее незаметно. Сух сосуд. Пожалуй, главная причина этому в двухслойных глазах капитана Тальберга». Тальберг спешно объясняет причину столь долгой задержки. На поезд, «который вез деньги в провинцию и который он конвоировал... напали — неизвестно кто». Видно, что Тальберг серьезно встревожен. Он отзывает Елену в спальню, заявляет ей, что должен немедленно уехать в Германию на неопределенный срок — как члену гетманского штаба ему «опасно» оставаться в Городе. Он поедет секретным поездом: «Тальберга берут: у Тальберга нашлись связи». По словам Тальберга, «гетманское министерство — глупая и пошлая оперетка... немцы оставляют гетмана на произвол судьбы, и очень, очень может быть, что Петлюра войдет. В сущности, у Петлюры есть здоровые корни. В этом движении на стороне Петлюры мужицкая масса». Елена понимает, что муж (уже в который раз) «поменял» свои пристрастия и убеждения. «В марте 1917 года Тальберг был первый, — поймите, первый, — кто пришел в военное училище с широченной красной повязкой на рукаве... Тальберг, как член революционного комитета, а не кто иной, арестовал знаменитого генерала Петрова. Когда же к концу года в Городе произошло уже много чудесных и странных событий и родились в нем какие-то люди, не имеющие сапог, но имеющие широкие шаровары, выглядывающие из-под солдатских серых шинелей, и люди эти заявили, что они не пойдут ни в коем случае из Города на фронт, потому что на фронте им делать нечего... что это их Город, украинский Город, а вовсе не русский, Тальберг сделался раздражительным и сухо заявил, что это не то что нужно, пошлая оперетка... Вышла действительно оперетка, но не простая, а с большим кровопролитием. Людей в шароварах в два счета выгнали из Города серые разрозненные полки... Тальберг сказал, что те, в шароварах, — авантюристы, а корни в Москве, хоть эти корни и большевистские. Но однажды, в марте, пришли в Город серыми шеренгами немцы, и на головах у них были рыжие металлические тазы, предохранявшие их от шрапнельных пуль, а гусары ехали в таких мохнатых шапках и на таких лошадях, что Тальберг сразу понял, где корни... Люди в шароварах притащились вслед за немцами... были очень тихие, никого убивать не смели... и вид у них был такой, словно у неуверенных гостей. Тальберг сказал, что у них нет корней, и месяца два нигде не служил». В этот период Николка однажды застал Тальберга за переписыванием упражнений из «Украинской грамматики» и высмеял его. В апреле 1918 года Тальберг оказался среди тех, кто провозглашал «Гетьманскую Украину». В семье тогда разговоры о политике «вышли из моды сами собой», поскольку Тальберг очень сердился, если ему задавали вопрос о перемене убеждений. «У Тальберга... была неудачливая звезда. Тальбергу было бы хорошо, если бы все шло прямо, по одной определенной линии, но события в это время в Городе не шли по прямой, они проделывали причудливые зигзаги, и тщетно Сергей Иванович старался угадать, что будет. Он не угадал». Тальберг объясняет Елене, что не может взять ее с собой в «скитания и неизвестность», советует во время его отсутствия пользоваться паспортом на девичью фамилию. Елена из гордости ничего не отвечает, чувствуя, что муж бросает ее. Супруги идут к братьям Елены в гостиную, где стоит пианино, на котором Елена часто аккомпанировала Шервинскому, а Шервинский блестяще исполнял арии из «Фауста» — «столь же бессмертного, как и

«Саардамский Плотник»». Алексею и Николке «Тальберг все рассказал тут же у пианино. Братья вежливо промолчали, стараясь не поднимать бровей. Младший из гордости, старший потому, что был человек-тряпка». Помявшись, Тальберг просит братьев «беречь Елену» и навсегда исчезает из дома Турбиных.

Василий Иванович Лисович, домовладелец, с января 1918 года почему-то стал писать неразборчивым почерком и изменил вид собственной подписи (Вас. Лис), за что немедленно получил прозвище Василиса. В преддверии вторжения войск Петлюры Василиса старательно рассовывает по тайникам деньги и ценности. К своему неудовольствию он обнаруживает среди кредиток сто тридцать фальшивок. Он слышит сверху пение, веселые крики (у Турбиных гости), сердится, но потом решает, что время наступило смутное, а наверху все-таки офицеры, которые в случае необходимости могут защитить его.

Через двадцать минут после ухода Тальберга у дверей Турбиных сталкиваются друзья дома и товарищи Алексея по Александровской гимназии — Леонид Юрьевич Шервинский, бывший поручик уланского полка, а теперь — адъютант в штабе князя Белорукова, с букетом роз для Елены, и подпоручик Федор Николаевич Степанов, артиллерист, по кличке Карась. Турбины приглашают гостей к столу, стараются, чтобы всем было удобно и уютно. Карась заявляет, что им всем нужно «идти драться» в мортирный дивизион под командованием полковника Малышева (куда он сам уже записался). Изрядно выпив, Алексей тоже решает идти в дивизион врачом, а если не возьмут, то рядовым. Все собравшиеся в один голос критикуют нелепую политику гетмана, фактически оставившего Украину без нормальной боеспособной армии. «Если бы он вместо того, чтобы ломать эту гнусную комедию с украинизацией, начал бы формирование офицерских корпусов, мы бы взяли теперь Москву... он набрал бы пятидесятитысячную армию... отборную, лучшую, потому что все юнкера, все студенты, гимназисты, офицеры, а их тысячи в Городе, все пошли бы с дорожкой душой... Петлюры бы духу не было в Малороссии... Троцкого прихлопнули бы в Москве». Николка тайком, когда никто не видит, идет в прихожую, где офицеры оставили свое оружие, гладит кривую шашку Шервинского, маузер Карася, чуть не плачет от волнения и желания «послужить родине». Шервинский, великолепный исполнитель арий, узнав о бегстве Тальберга, чувствует, что «как никогда в голосе». Он просит Елену аккомпанировать, и та постепенно отвлекается от мрачных мыслей, связанных с Тальбергом. За столом ведутся откровенные разговоры о царе и Отечестве, гости и хозяин напиваются. Мышлаевского даже приходится откачивать с помощью нашатырного спирта.

Перед сном, наедине с собой, каждый из Турбиных вспоминает недавнюю сцену прощания с Тальбергом. Елена сама себе признается, что не уважает мужа, который бросил их «в такую минуту». Алексей про себя называет Тальберга мерзавцем, ему стыдно за то, что он вежливо прощался и даже целовался с ним. «Чертова кукла, лишенная малейшего понятия о чести», — думает о Тальберге Алексей, глядя при этом в книгу Достоевского и читая фразу: «Русскому человеку честь — одно только лишнее бремя». Алексей засыпает. Ему снится сон о его знакомом — полковнике Най-Турсе, одетом в «светозарный шлем» и кольчугу с мечом. От Най-Турса исходит «райское сияние». Оказывается, полковник в раю. Вместе с ним — вахмистр Жилин, погибший в 1916 году на Виленском направлении на глазах у Турбина. Жилин рассказывает, что их пропустил в рай «прямо-таки всем эскадроном, в конном строю и с бабами в обозе» апостол Петр. В раю много места, кругом чистота. Жилина удивляет, что поодаль «звезды красные, облака красные». Апостол Петр рассказывает, что это приготовлено специально для большевиков, которые погибли под Перекопом в 1920 году. Запросто входит Бог, у него «клик осиянный, а какой — не поймешь... Чудится, что он на тебя самого похож... Ну, а уж как говорит, такая радость, такая радость». Жилин интересуется у Бога, зачем же столько хлопот ради большевиков-атеистов. Бог отвечает, что ему от их неверия «ни жарко, ни холодно... ни прибыли, ни убытку. Один верит, другой не верит, а поступки у вас у всех

одинаковые: сейчас друг друга за глотку... Все вы у меня одинаковые — на поле брани убиенные... Про попов лучше и не напоминай. Ума не приложу, что мне с ними делать. Таких дураков, как ваши попы, нету других на свете... срам, а не попы». Во сне Алексей спрашивает Жилина, нельзя ли и ему как-нибудь устроиться врачом в их «райской» бригаде. Жилин ласково кивает головой. Алексей просыпается.

Утром после пьяной ночи все гости Турбиных отправляются записываться в мортирный дивизион. Елена ласково укоряет их за то, что никто из них толком не умеет пить и не знает, когда надо остановиться. На прощание Елена, строго перекрестив и брата, и Карся, и Мышлаевского, бодро желает им удачи.

В опустевшем шляпном магазине «Парижский шик» мадам Анжу размещается пункт записи добровольцев в мортирный дивизион под командованием полковника Малышева. Карась представляет полковнику поручика Мышлаевского и доктора Турбина. Оба они выражают желание быть зачисленными в дивизион по специальности. Мышлаевский производит очень приятное впечатление на полковника своей отвагой, четкими ответами, отличной выправкой. Малышев заявляет, что в дивизион принимаются «интеллигентные люди — социалисты». Разочарованный Турбин «бухает», что он, напротив, убежденный монархист, а социалистов, и в особенности Керенского, не выносит. Однако полковник принимает решение о переводе обоих кандидатов к себе, отправляет соответствующие отношения в штаб командующего, приказывает выдать доктору обмундирование и призывает его быть сдержаннее.

Алексей идет домой, переодевается в форму, предупреждает Елену, что не будет сегодня принимать больных и направляется в здание Александровской гимназии, где собирается весь дивизион. Турбина охватывает прилив гордости, когда он видит, поднимаясь по лестнице, огромный, в полный рост портрет императора Александра. Мышлаевский уже командует там своим взводом — энергично, весело, с песней. Его отличные организаторские качества уже отмечает не только сам полковник, но и капитан Студзинский, занимающийся организационными вопросами. Малышев распоряжается после смотра распустить дивизион по домам (без погон, «чтобы не привлекать внимания зевак своим великолепием») и объявить сбор на семь часов утра следующего дня. Он планирует с утра начать обучение стрельбе, чтобы к полудню дивизион стрелял, «как призовой полк». Студзинский ошеломлен; он пытается объяснить полковнику бессмысленность подобного приказа, но тот «неприятным голосом» обещает выписать ему в ведомости жалованье не как старшему офицеру, «а как лектору, читающему командирам дивизионов». Малышев объясняет, что положение «поганое-с», что ночь предстоит «подозрительная», а больше половины добровольцев даже не умеют толком стрелять. Малышеву совсем не улыбается перспектива «угробить» дивизион. На Мышлаевского он возлагает обязанности обеспечить электрическое освещение и отопление здания, и тот блестяще справляется с заданием. Мышлаевский забирает ключи у старого сторожа гимназии и с помощью юнкеров растапливает печи «Отечественными записками», «Библиотекой для чтения» и партами.

Ночью гетман, с забинтованной головой, «наглухо запакованный в шинель» под именем «таинственного немецкого майора фон Шратта», который якобы «разряжая револьвер, нечаянно ранил себя в шею», покидает Город. Известие о бегстве гетмана доходит до полковника Малышева. Он понимает, что его солдат и население Города предали. Малышев объявляет офицерам и артиллеристам, что дивизион распущен, приказывает скрыться по домам, сняв с себя знаки отличия, и ждать от него вызова. Офицеры, во главе со Студзинским, не зная истинной причины подобного распоряжения, объявляют Малышева изменником и предпринимают попытку его ареста. Малышев рассказывает им, что гетман, которого они собирались защищать, бросил их на произвол судьбы, и героизм и позерство в этой ситуации — верх глупости и безответственности. Малышев заявляет, что всю ответственность берет на свою совесть. Студзинский приносит Малышеву свои извинения. Мышлаевский вызывается поджечь здание гимназии, чтобы

Петлюре не достался склад боеприпасов. «Петлюре через три часа достанутся сотни живых жизней, и единственное, о чем я жалею, что я ценой своей жизни и даже вашей, еще более дорогой, конечно, их гибели приостановить не могу», — отвечает полковник. Единственный, кто не в курсе последних распоряжений Малышева, — врач Алексей Турбин, который должен был явиться на сборный пункт не в семь утра (на стрельбы), а в два часа дня.

Части Петлюры стоят у стен Города. Один из командиров — полковник Козырь-Лешко. Он всю жизнь был сельским учителем, «жестоким и скучным», детей терпеть не мог. «Война для него была призванием, а учительство лишь долгой и крупной ошибкой... Происходит это в нашей жизни ... от несовершенства нашего социального строя, при котором люди сплошь и рядом попадают на свое место только к концу жизни». Зато военачальником Козырь стал блестящим. Под командованием Козыря и полковника Болботуна войска занимают Город. Начинаются уличные бои. В этот неподходящий момент у жены крупного подрядчика Якова Григорьевича Фельдмана начинаются роды. Фельдман, чтобы найти врача, принужден бежать на улицу, не успев вытащить из карманов все «лишнее». На него наезжают конные, обыскивают, находят справку, из которой следует, что он возглавлял снабжение гетманских войск. Сотник Галаньба отрубает Фельдману голову.

Оборона Города слаба. Из четырех броневых машин подошла только одна. Произошло это потому, что «в качестве командира второй машины попал не кто иной, как знаменитый прапорщик, лично получивший в мае 1917 года из рук Керенского Георгиевский крест, Михаил Семенович Шполянский». Шполянский, внешне очень похожий на Евгения Онегина, «прославился как превосходный чтец в клубе “Прах” своих собственных стихов и как отличнейший организатор поэтов и председатель городского поэтического ордена “Магнитный Триолет”... Он не имел себе равных как оратор, управлял машинами как военными, так и гражданского типа, кроме того, содержал балерину оперного театра Мусю Форд и еще одну даму, имени которой... как джентльмен, никому не открывал, имел очень много денег и щедро раздавал их взаймы членам общества “Магнитного Триолета”;

пил белое вино,

играл в железку,

купил картину “Купающаяся венецианка”, ночью жил на Крещатике, утром в кафе “Бильбокэ”,

днем в своем уютном номере лучшей гостиницы “Кон-тиненталь”, вечером — в “Прахе”,

на рассвете писал научный труд “Интуитивное у Гоголя”».

По мнению Шполянского, «все мерзавцы. И гетман и Петлюра... Самое главное, впрочем, не в этом. Мне стало скучно, потому что я давно не бросал бомб». Шполянский окружен почитателями, среди которых — Русаков, сын библиотекаря. Подражая «свободному образу жизни» Шполянского и заводя случайные связи, Русаков заразился сифилисом.

Дома Русаков предается отчаянию. Он рассматривает сборничек стихов «фантомистов-футуристов», куда вошли произведения Шполянского и его собственное стихотворение «Богово логово». Русаков молится, просит Господа сжалиться над ним, объясняет, что был глуп, когда последовал за Шполянским и принялся эпатировать публику своим богохульством. Русаков твердит, что сифилис, гниение заживо, ранняя смерть (ему всего двадцать четыре года) — слишком тяжелое наказание за юношеский максимализм. Русаков молится об излечении, клянется, что вновь станет человеком, просит Всевышнего избавить его от «кокаина, слабости духа и Шполянского».

Шполянский же «преобразился... с ног до головы был вымазан машинным маслом». И в армии он продолжает произносить речи и блещет красноречием, и снова его слушают и восхищаются любой его сентенцией. Однако едва встает вопрос о реальной опасности и необходимости серьезно драться против Петлюры, Шполянский, «известный всему

дивизиону своей храбростью», в четыре часа ночи отправляется один в разведку и не возвращается. После этого «чудесным образом» один за другим исчезают все артиллеристы и пулеметчики броневых дивизионов, а за ними и командиры.

Единственная часть, обороняющая Город и достойно укомплектованная, — часть полковника Най-Турса. Най-Турс формирует свою часть в рекордно короткие сроки, резко и решительно (достав оружие) «грабит» отдел снабжения, забирая все имеющиеся на складе валенки. Най-Турс не считается с бюрократической волокитой «штабных», действует по обстоятельствам, решительно, всю ответственность берет на себя и первым отправляется защищать Город от Петлюры.

Алексей Турбин прощается с Еленой, которая после мобилизации Николки остается в огромной пустой квартире совсем одна. «Не идти нельзя, — замечает Турбин, — со мной, надо полагать, ничего не случится... Авось Бог сохранит и Николку». Турбин с большим трудом (извозчики отказываются ехать в центр Города, где идут уличные бои) добирается до гимназии. Там он застаёт Малышева, объясняющего ему ситуацию и приказывающего сорвать погоны и уходить».

Николка неожиданно оказывается командиром отдела первой пехотной дружины (28 юнкеров), поскольку настоящий командир пропал. Из штаба поступает приказ юнкерам выступить в распоряжение Най-Турса. По дороге в воображении Николки всплывает потрясающая романтическая картина его собственных похорон. «Размышления о музыке и лентах несколько скрасили неуверенное ожидание неприятеля». Мимо бегут юнкера, бросая винтовки. Николка сталкивается с самим Най-Турсом, который на ходу приказывает разоружаться, срывать погоны и спасаться бегством проходными дворами. Николка заявляет полковнику, что «не желает» отступить. Пока Николка соображает, как достойно поступить в этой ситуации, Най-Турс смертельно ранит пулей. Последние его слова, обращенные к Николке, призывают того не геройствовать. Най-Турс шепчет название Мало-Провальной улицы и умирает. Николка, поняв, что это адрес родных погибшего, решает во что бы то ни стало отыскать их и сообщить о гибели Най-Турса. Молодой Турбин считает это делом чести. Он не должен погибнуть сам, пока не отдаст последний долг полковнику. Николка хватается за колыбель Най-Турса и бросается во двор. На него накидывается дворник, пытается задержать его и сдать петлюровцам. Однако, увидев, что юнкер вооружен, дворник падает на колени и называет Николку «благородием». Николка бежит. На улицах сумбур, люди запирают окна и двери, прячутся, кричат в ужасе. Только у соседнего дома на Алексеевском спуске мирно катаются на салазках двое мальчишек. Старший степенно объясняет Николке, что в Городе расправляются с офицерами: «Их восемьсот человек на весь Город, а они дурака валяли. Пришел Петлюра, а у него миллион войска». Николка добирается до дома и узнает, что Алексей ушел и не вернулся. Елена сердито проклинает за малодушие немцев, предсказывает им божью кару: «Если только Бог не накажет их, значит, у него нет справедливости».

Всю ночь Елена с Николкой ждут брата, но вместо Алексея в их доме появляется дальний родственник Гальберга Ларион Суржанский из Житомира, «ужасный неудачник». Он приехал с крупной суммой денег, и с самым дорогим ему существом на свете — канарейкой. У Лариосика личная драма: его бросила жена. Лариосик привозит письмо от матери, которая, оказывается, задолго до этого отправила Елене телеграмму в шестьдесят три слова с просьбой приютить сына. Но Елене некогда разбирать подробности визита Лариосика: одновременно с его прибытием незнакомая женщина привозит тяжело раненого Алексея. Николка бросается за врачом. Алексей просит держать его ранение в тайне. Елена обещает всем говорить, что у брата тиф. Лариосик изо всех сил старается быть полезным, но только мешает всем, разбивает целый сервиз. Он конфузится, ругает себя, неуклюже извиняется. Елена в суете находит возможность искренне верить Лариосика, что ничего страшного не случилось. Она решает сервиз «предать забвению» без малейшего упрека гостю, старается после того, как брат уложен, успокоить и уютно устроить неожиданного родственника.

Алексею становится хуже, у него высокая температура, бред. Через несколько дней доктор ставит диагноз — тиф. Алексей без сознания. Елена, Николка и Лариосик, как могут, ухаживают за больным. Алексей все время зовет женщину по имени Юлия. Выйдя из здания гимназии без погон, Алексей натолкнулся на петлюровцев и бросился бежать. «Достаточно погнать человека под выстрелами, и он превращается в мудрого волка; на смену очень слабому и в действительно очень сложных случаях ненужному уму вырастает мудрый звериный инстинкт». Дважды стреляли и дважды промазывали преследователи. Алексей отстреливался, его ранили в руку. Юлия Рейсс, подобрав раненого на улице, привела к себе, на Мало-Провальную улицу. Она перевязала Алексея, остановила кровотечение, уложила в постель, сама принесла дрова и растопила печь. Чтобы смягчить страдания раненого, Юлия гладила его по голове. Боясь навлечь на нее неприятности, Алексей запретил Юлии вызывать врача. На другой день, уже теряющего сознание. Юлия привезла Турбина домой.

Николка прячет кольт Най-Турса и револьвер Алексея, свои и Алексея погоны, карточку царевича Алексея в коробку из-под конфет и устанавливает ее между стенами своего и соседнего домов, чтобы «тайник» невозможно было обнаружить при обыске. Лариосик помогает ему и восхищается Николкиной находчивостью: «Вещь под руками и в то же время вне квартиры».

У Турбиных во время болезни Алексея регулярно собираются Шервинский, Мышлаевский и Карась. Все, включая Лариосика, стараются хоть чем-то помочь Елене и Николке. Прибегает за помощью Лисович. К нему вторглись молодчики, представившиеся уполномоченными из штаба, которым предписано произвести у домовладельца обыск. Однако обыск проводился как-то странно: брали в основном хорошие вещи из одежды и обуви, тут же напяливая на себя. Перепуганный Лисович общался с пришельцами на ломаном украинском языке. Напоследок те потребовали от него расписку, что он сам выдал им вещи. Под дулом револьвера Василиса написал, что не имеет к ночным гостям никаких претензий. Он догадался, что это обычные мародеры, и после их ухода кинулся за защитой к Турбиным. Лисович с женой Вандой давно уже догадались, что Алексей ранен петлюровцами (то есть он враг режима Петлюры) и подумывали, не донести ли на него. Однако, в свете ограбления, Василиса тут же поменял свои намерения и обратился к Турбиным за советом, не подать ли ему жалобу на налетчиков. Николка спрашивает, как были вооружены бандиты. Из описания Василисы Николка догадывается, что мародеры-таки проникли в его тайник и украли оружие Най-Турса и старшего Турбина. Офицеры обещают не оставить Лисовичей в случае необходимости. Крайне подозрительная и скупая, Ванда тут же приглашает всех на роскошный домашний ужин с коньяком. Подвыпивший Василиса, прежде убежденный противник царского режима, принимается философствовать с Карасем о пользе самодержавия (при котором был порядок и вот так запросто честных граждан не грабили).

В Город въезжает сам Петлюра. Народ, славословя, приветствует «батьку». В толпе виден «неизвестный в бобровом воротнике, как две капли воды похожий на знаменитого покойного прапорщика и председателя “Магнитного Триолета” Шполянского».

Николка предпринимает все от него зависящее, чтобы разыскать семью Най-Турса. Он даже не знает номера дома по Мало-Провальной улице, которую назвал ему полковник перед смертью. Тем не менее Николка устанавливает нужный ему адрес. К нему выходит мать Най-Турса. Она сразу же понимает, что ее сын Феликс убит. Николка рассказывает, как погиб полковник. Затем он вместе с сестрой погибшего Ириной едет в казармы, куда свозят трупы солдат со всего города. Ирина дает сторожу взятку. Николка идет к профессору (в казармах под его руководством занимаются вскрытиями студенты-медики). Он получает разрешение забрать труп полковника, чтобы похоронить его так, «как Николка хотел, и совесть его была совершенно спокойна, но печальна и строга». Старуха-мать Най-Турса благодарит Николку, называет его сыном.

Днем двадцать второго декабря Алексей «стал умирать». Доктора признают его безнадежным. Елена запирается у себя в комнате, истово молится. «Слишком много горя сразу посылаешь, мать-заступница. Так в один год и кончаешь семью... За что? Как мы будем вдвоем с Николаем?... Может быть, мы люди и плохие, но за что же так карать-то?... Мать-заступница, уприси его <Иисуса>. Вон он. Что же тебе стоит. Пожалей нас. Идут дни твои, твой праздник. Пусть Сергей не возвращается. Отымаешь — отымай, но этого смертью не карай». Николка в ужасе входит к сестре. У Алексея кризис. У врачей появилась надежда.

Через сорок семь дней после начала болезни Алексей Турбин встает с постели. Вскоре он возобновляет практику. На консультацию к нему приходит поэт Русаков, больной сифилисом. Он стал крайне религиозен и пребывает в постоянно угнетенном состоянии духа, много молится, исповедуется, называет Шполянского предтечей антихриста. Турбин подозревает, что Русаков психически болен, у него идея-фикс о безбожии большевиков, Троцкого и особенно Шполянского.

Поправившись, Алексей начинает навещать на Мало-Провальной улице свою спасительницу Юлию Рейсс, дарит ей браслет покойной матери. Юлия по-прежнему одна, а на столе у нее фотография Шполянского.

После ночного налета отношения Василисы с Турбиными стали теплее. Он лично заходит к Елене, чтобы передать ее письмо от родственницы Оли из Варшавы. Из письма следует, что Тальберг всем объявляет, что развелся с женой. Оля видела его во французском посольстве в обществе новой невесты, с семьей которой он и уезжает в Париж. Елена плачет, но не сильно, вспоминая, что именно такое условие (невозвращение мужа) ставила Богоматери, когда просила сохранить жизнь Алексею. Алексей утешает Елену, выбрасывает фотографию Тальберга.

Части Петлюры покидают Город в 1919 году. «А зачем оно было? Никто не скажет. Заплатит ли кто-нибудь за кровь? Нет. Никто. Просто растает снег, взойдет зеленая украинская трава, заплетет землю... взойдут пышные всходы... задрожит зной над полями, и крови не останется и следов. Дешева кровь на червонных полях, и никто выкупать ее не будет».

В доме Турбиных по-прежнему топят Саардамские изразцы, а обитателям дома снятся сны. Алексею снится, что император Александр I жжет в печке списки дивизиона и мимо проходит смеющаяся Юлия. Василисе снится, что никакой революции не было, а у него на огороде моментально выросли овощи. Во сне ему совсем не жаль краденых вещей, но почему-то в огород влетают поросята с острыми клыками и нападают на Василису. Елене снится Шервинский, представляющийся демоном, поющим для нее. Он твердит, что Тальберг не вернется, поет пронзительно, не так, как наяву. Снится ей Николка с гитарой в руках, «но вся шея в крови, а на лбу желтый венчик с иконками». Во сне Елена понимает, что Николка умрет, и просыпается, рыдая.

В ночи ярко выделяется освещенный электричеством крест на Владимирской горке. «Издали казалось, что поперечная переключина исчезла — слилась с вертикалью, и от этого крест превратился в угрожающий острый меч. Но он не страшен. Все пройдет. Страдания, муки, кровь, голод и мор. Меч исчезнет, а вот звезды останутся, когда и тени наших тел и дел не останется на земле».